

ГРИГОРИЙ ТАТЬЯНКИН

МОЙ ДРУГ ВИТЯ ЦОЙ

Григорий Татьянкин
Мой друг Витя Цой

«Автор»

2025

Татьянкин Г.

Мой друг Витя Цой / Г. Татьянкин — «Автор», 2025

Биография первых лет жизни Виктора Робертовича Цоя, описанные предельно подробно, но при этом языком, доступным широкому кругу читателей.

© Татьянкин Г., 2025

© Автор, 2025

Григорий Татьянкин

Мой друг Витя Цой

1961 (вместо пролога)

«Скептики всегда говорят только плохое»

В. Цой

С Витей я бы познакомился в 1961 году, но родился он несколько позже...

Данная книга, дорогой читатель, представляет собой максимально полную биографию первых лет жизни советского музыканта Виктора Робертовича Цоя. Составлена она на основании воспоминаний его очень близкого друга, можно даже сказать, больше, чем просто друга, который присутствовал в жизни Виктора с первых и до последних мгновений, следуя след в след бесшумной тенью с великим творцом и казаком. Кроме самих воспоминаний, которые, как все прекрасно знают, часто бывают обманчивы и имеют свойство пропадать в небытие мироздания, дабы биография не потеряла ни грамма максимальной объективности, был проделан титанический труд по изучению всех сохранившихся документов, заметок и очерков, какие только удалось раскопать в архивах множеств библиотек, клубов, ДК, притонов и других разнообразных мест нашей необъятной Родины, в коих успел побывать, а иногда даже и не побывать, виновник этой книги.

Да, дорогой читатель, хоть и много книг выходило, посвящённых Виктору и его легендарной группе, настолько много, что в юбилейные годы, почти каждая вторая книга, выпускаемая в России, была о Цое, но эта книга, которая сейчас перед тобой, своей масштабностью затмевает всё.

Лучше уже не будет, ибо, как говорил сам Виктор Робертович о себе, «да, я Цой. Да, я Виктор. Да, я легенда. Да, я звезда. Звезда по имени Солнце». И эта книга, дорогой читатель, тоже звезда. Звезда по имени Солнце.

1962

«Время – всего лишь линия»

В. Цой

С Витей я познакомился в 1962 году в городе Кзыл-Орда (Ранее Перовск, ныне Кызылорда), когда принимал роды у его мамы Наины Викторовны, троюродной сестры Раисы Максимовны, жены Михаила Сергеевича Горбачёва. Кажется, что это было лето, жара на улице невыносимо уничтожала всё живое, а кондиционеры почти не справлялись со своими задачами. Роды шли долго и скучно, но когда Витя вылез на волю, скука, висевшая в воздухе сиреневым, почти визуальным осязаемым паром, моментально испарилась, и сразу стало ясно – всё было не зря. Витя с первых секунд казался крайне талантлив и сексуален – этот романтический прищур карих глаз, эта тлеющая сигарета, этот мужественный подбородок, заставляли смотреть на него всех – и мужчин, и женщин. Я был мужчиной, я смотрел на него. Медсестра Полина была женщиной и делала то же самое. Витя протянул мне руку и тихо прохрипел: «Цой». Но, быть может, мне это только послышалось. Наина уже спала, а через пару минут уснул и Витя.

Первый зуб начал резаться в два месяца, но Витя не плакал. Он никогда не плакал, а издавал звуки, похожие на пение. Несмотря на то, сколько Витя курил, зуб оказался чрезвычайно белым и здоровым, можно сказать молочным. Этот зуб важен ещё и тем, что останется с Витей до самого конца.

На 88 день жизни Витя впервые попробовал советско-мексиканской еды, а именно оливье с варёной колбасой «Микоян» и табаско в кукурузной тортилье. Стоит отметить, что куку-

руза в то время была на пике популярности среди всех народов СССР благодаря любви Никиты Сергеевича Хрущёва к Центральноамериканской культуре. Вероятно, как раз это событие повлияет в дальнейшем на то, что Витя станет соучредителем ресторана «Hot Mexican Scoop» в Москве на улице Урывского в 1988.

В возрасте пяти месяцев Витя стал свидетелем драки дворовых котов и, закрыв глаза руками, отвернулся. Тогда-то он впервые увидел линии на ладонях и искренне уверовал, что они что-то обязательно значат. Именно поэтому первой Витиной книгой стал учебник по хиромантии авторства небезызвестного учёного и писателя Хомутова В. Я., с которым Витя, уже будучи голосом поколения, смог однажды встретиться и провести удивительно славную беседу.

Осенью мама Вити прочитала повесть Солженицына «Один день Ивана Денисовича», и была в полном восторге. Витя ещё много раз услышит её, так как произведение Александра Исаевича станет буквально основной, читаемой на сон грядущий будущей рок-звезде (а тогда просто «маминой звёздочки», как ласково называла его Наина Викторовна), отложится в голове и далее отразится во многих песнях и стихах своим мощным пластом культурного наследия.

В декабре, ближе к Рождеству, когда советский народ готовился к праздникам, наряжал ёлки, украшал дома и бегал по магазинам в поисках подарков, Витю крестили в условиях строгой секретности, потому что отец Вити был категорически против. После этого Витя с родителями переезжают в Ленинград, где и встречаются 1963.

1963

«Я всегда любил только кошек и страусов»

В. Цой

С Витей я познакомился в 1963 году в городе Москве на его первом Дне Победы. Кругом играла музыка, висели георгиевские ленточки, летали воздушные шары и радостное настроение. Витя был одет в младенческую солдатскую форму классического цвета и фасона. На москвиче, взятом в аренду его отцом, были стандартные для того времени наклейка «можем повторить» и некий аналог танковой башни на крыше из папье-маше. Я в то время работал продавцом знаменитых московских сосисок в тесте по 20 копеек, а Витя их очень любил. Увидев меня, точнее, мой товар, он весьма обрадовался, заулыбался и начал дёргать отца за правую штанину, указывая пальцем в мою сторону – мол, пришло время перекуса – но отец Вити, персона, стоит сказать, весьма задумчивая, в тот момент пристально изучал двух оживлённо беседующих студентов космического училища. Через минут десять, не меньше, Роберт всё же обратил внимание на сына, сообразил, что от него требуют, и выразил своё молчаливое согласие. Они подошли к моей палатке, но, как назло, все деньги были потрачены на значок с Лениным и календарик. Я улыбнулся и дал им по сосиске совершенно бесплатно, праздник всё же – не обеднел. Судя по записям с кассет камер наружного наблюдения, дальше они присутствовали на самом параде, находясь весьма рядом с первыми лицами государства, потом сходили на цирк и уехали домой в Ленинград.

В следующий раз судьба свела меня с Витей в июне на его день рождения. Я случайно проходил мимо их комнаты в коммуналке на улице Неверского дом 6 и, по старой ленинградской коммунально-культурной традиции, был приглашён к столу. Именно тогда Вите подарили его первую гитару Орфей и портсигар из настоящего царского серебра 1906 года выпуска – семейную реликвию с подписью самого Антона Николаевича Гурта. Из примечательных гостей стоит отметить отца Бориса Борисовича Гребенщикова, маму Сергея Владимировича Шнурова и самого Андрея Арсеньевича Тарковского. Я пробыл у них до понедельника, но праздник длился и дальше.

В сентябре Витя ездил с родителями на бардовский фестиваль «Золотая осень 1963 в колхозе им. Ленина», где дуэт Наины и Роберта исполнил песню «Ах, как здорово! Ах, как солнечно!», но дипломов не получил. Фестиваль важен тем, что именно на нём Витя услышал первые блатные аккорды и увидел первые блатные переборы струн.

Октябрь и ноябрь Витя пролежал в центральной детской больнице Ленинграда с подозрением на дифтерию, но диагноз не подтвердился. В декабре прорезался второй зуб.

1964

«Знания порождают величие»

В. Цой

С Витей я познакомился в 1964 году в городе Калининграде (бывший Кёнигсберг – «родина Канта и домкрата», как говорят местные), куда он приехал вместе с родителями на сезонные подработки – сборку янтаря и ловлю жемчуга. В ту пору я был таксистом просто для души, хотя имел неплохой доход в бизнесе по производству верёвочных лестниц. Только моя машина на весь город была оборудована детским креслом, поэтому считаю, что сама судьба свела меня с семьёй Цоев и молодым Витей. Пока я вёз их в отель, по радио играли живые Битлз – музыка почти недоступная в других Советских Республиках. Думаю, именно тогда не только Витя и услышал впервые ливерпульскую четвёрку, но и Роберт. Наина точно слышала их и раньше, ибо тихо подсвистывала в такт All My Loving. Вплоть до окончания сезона, Витя резвился с местными ребятами, пробовал портвейн и учился рисовать.

Ближе к концу лета, перед тем как вернуться в Ленинград, Витя с мамой посетили местный, первый в Союзе, Стендап клуб «Заморский смех», который находился на бульваре Пионеров, и были крайне удивлены, что юмор – это не только комедии Гайдая и цирковые клоуны, но и что-то действительно смешное и злободневное. Выступающие, их ещё называли комиками, сменяли друг друга, находясь на сцене не более пятнадцати минут, говорили о власти, о болячках общества, о коррупции, после чего их сопровождали люди в сером в автобусы с надписью НКВД, которые после полного наполнения уезжали. Клуб просуществовал в таком виде всего пару недель, после чего закрылся из-за того, что, со слов бармена Иванова И. И. (имя изменено): «в какой-то момент, зрителям стало скучно смотреть на пустую сцену, и они все ушли». На месте клуба открыли разливу «Советский бриз», просуществовавшую вплоть до Горбачёвского сухого закона.

Осенью Наина Викторовна сорвала голос и перешла на шёпот почти на три месяца, однако упорно продолжала зачитывать «Один день Ивана Денисовича» Вите перед сном. Удивительно, но Витя стал засыпать гораздо быстрее. Когда голос вернулся в норму, она всё равно продолжила чтение шёпотом и даже записала в таком виде повесть на винил, который разлетелся по Союзу многомиллионными тиражами под нелепым названием «Один день Ивана Денисовича. Абсолютный Сон и Массаж Разума». Денег за это Цои не получили, потому что в то время было не принято и даже постыдно иметь деньги.

Конец осени и почти всю зиму, Витя провёл у родителей отца в солнечном Казахстане, ползая по бескрайним песчаным степям, представляя себя то змеей, то скорпионом, а то и вовсе улиткой. Сигарет не было, поэтому Витя тянул в рот всё, что плохо лежало от камней до иссохших конских хвостов. Дедушка и бабушка смеялись над ним, но ему нравилось. Он уже тогда любил внимание и ради него был готов почти на всё.

1965

«Чем выше забор, тем ближе к звёздам»

В. Цой

С Витей я познакомился в феврале 1965 года в Иванове во время знаменитого на весь мир фестиваля «Ивановские февралы – гордость Земли» (до 1932 года «Иваново-Вознесенские февралы – гордость Земли»), проводимого тогда в юбилейный сотый раз подряд. Это была единственная неделя каждого года, когда железный занавес официально открывался, войны и разногласия прекращались, а люди со всех уголков планеты и Союза заполняли фестивальную поляну, площадью почти с треть Норвегии. Я тогда работал помощником известного иллюзиониста из Испании Рауля Испани, удивлявшего всех способностью отделять головы от тел, и своей, и кого угодно, а потом успешным их присоединением обратно. Витя приехал на фестиваль со своим дедушкой, не пропускавшим это событие уже в 30 раз и не бравшим внука раньше только из-за незначительного возрастного ограничения. Я запомнил Витю, потому что он был единственным моложе 10 лет, кто не просто не отказался от участия в номере Рауля, но и выражал явное стремление к участию. Маленькая кучерявая голова оторвалась от плеч и повисла в воздухе. Зал, как обычно, ахнул и замер. Голова повисела в воздухе несколько секунд и вернулась обратно. Зал зааплодировал. Следующая неделя прошла в веселье и радости, кутеже и почти без содомии. Единственным минусом фестиваля во время СССР было то, что не успевших вовремя уехать на родины посетителей отправляли в лагеря на минимум десять лет, но никто никогда не жаловался. Фестиваль перестанет существовать позже, одновременно с Советским Союзом, и все упоминания о нём уничтожат или переместят в архивы без свободного доступа. Витя всю жизнь потом будет всем рассказывать столь яркое воспоминание из детства и называть его не иначе как «Февраль любви 1965».

Середина весны стала знаменательна тем, что Витя наконец-то сказал своё первое слово, а было это так: в Ленинграде, в квартире Цоев прямо напротив кровати, в которой жил Витя, висело старинное, довоенное зеркало в изящной раме из красного дерева. Витя часами мог пристально смотреть в него, ни на что не реагируя, даже на самые странные и громкие звуки. Почти каждый вечер Витя смотрел в зеркало, а родители смотрели на него, так как выбора, куда смотреть (из-за отсутствия телевизора) особо не было: или ковёр на стене, или зеркало, или Витя. Цои смотрели на Витю, периодически обсуждая тот момент, что пора бы уже начать разговаривать. И вот однажды, в один из таких вечеров, Витя привстал в своей кроватке, указал пальцем в зеркало и громко сказал «Цой». С тех пор Витя начал говорить много и не всегда по делу, но всегда очень самоуверенно. А телевизор у них в доме появился уже летом того же года.

Осенью отца Вити командировали в Тулу. В ту пору он был ведущим и крайне востребованным инженером-тестировщиком самоваров, а на местном заводе как раз пытались получить лицензию на выпуск новой модели, сейчас уже считающейся классикой 8 pro max. Витя пару раз посетит отца за время разлуки, и будет весьма впечатлён масштабами цехов по производству столь важного предмета быта советских граждан, больших любителей испить чаю. После этого, на всех столах всех кухонь Цоя всегда будет стоять самовар самой новой модели, и радовать гостей кипятком.

1966

«Мне нравится сиреневый цвет. Он стройнит»

В. Цой

С Витей я познакомился в марте 1966 года в небольшой деревне под Липецком Путь Процветания (ранее Гнилуша, ещё ранее Кривой Стог, ныне не существует), где в ту пору располагалась печально известная секта Свидетелей Ивана-Старца. Я хоть и работал в ней помощником кашевара, но сам не состоял. А вот бабушка Вити состояла почти с первых дней, заслуженно считаясь если не лидером, то лицом к лидерам приближённым. Витю туда привёз отец на время весны, так как не имелось возможности его с кем-либо оставить. Цою нравились при-

рода, хороводы, бесплатный табак и оголённые купания в озере, но совершенно не нравились все религиозные обряды – поочерёдные прибивания к кресту, непрерывные повторения примитивных молитв и прочие скучные вещи. Также не нравились каши, а фишкой конкретно этой секты было то, что, кроме каш и древесной коры, они ничего не ели. Главным у них был Панин Антон Георгиевич, более известный как отец Панин – ранее судимый за грабежи и парутройку изнасилований. Ходили слухи, что он был каким-то дальним родственником самого Георгия Максимилиановича Маленкова. Антон Георгиевич подарил Вите дудку и губную гармошку. Когда отец забирал Витю домой, я напросился ехать с ними и, получив согласие, отбыл в Ленинград.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.